

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Бордачёва Тимофея Вячеславовича на тему: **«Отношения Россия – Европейский союз и происхождение кризиса европейского международного порядка»**, представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.4. «Международные отношения».

Диссертация Т.В. Бордачёва посвящена одному из важнейших вопросов с теоретической и практической точек зрения – вопросу отношений России с ключевыми странами Европейского союза, а также с ЕС в целом и его институтами. Актуальность данной проблематики очевидна. Бесспорна и практическая значимость этой области международных исследований, особенно на современном этапе развития, когда эти отношения оказываются далеко от идеальных. И это несмотря на то, что после окончания холодной войны были ожидания, что отношения России и ЕС должны развиваться в русле сотрудничества. В чём причина резкого ухудшения этих отношений? На этот вопрос пытались найти ответ многие и политики, и исследователи.

Тем не менее, немногие авторы, которые занимаются анализом российско-европейских отношений переходит от описательного повествования с оценками происходящего к теоретическим обобщениям. Несомненной заслугой автора данной диссертации как раз является попытка теоретического осмысления этих отношений. Кроме того, важный момент исследования заключается в том, что Т.В. Бордачёв не ограничивает анализ рамками европейского континента. Так, он прямо указывает, что «изучает отношения России и Европейского союза после холодной войны на основе помещения их в более широкий глобальный контекст и под воздействием системных факторов» (стр. 57). Такая постановка проблемы представляется абсолютно обоснованной, поскольку в современных условиях любая региональная проблематика вряд ли может быть качественно

проанализирована без понимания глобальной политической трансформации мира.

Автор задается вопросом, в чем может быть именно системная причина ухудшения развития России и ЕС, а также его ведущих стран? Для ответа на него Т.В. Бордачев обращается к историческому материалу и показывает, что Европа после окончания Второй мировой войны оставалась центром противоречий и силового противостояния между Востоком и Западом. При этом одновременно в Европе формировались как собственно институты Запада (НАТО, ЕС), так и совместные институты (ОБСЕ). «Европа, - пишет диссертант, - являлась главным театром холодной войны, и именно здесь должны были развернуться основные боевые действия в случае эскалации конфликта. Но тут в наибольшей степени концентрировались международные институты и организации, в способность которых ограничивать поведение государств верят представители либеральной школы в науке о международных отношениях» (с. 69).

Это положение о соотношении силового противостояния и международных институтов легло в основу теоретических размышлений диссертанта. Представляется, что это весьма удачный ракурс рассмотрения российско-европейских отношений и он хорошо корреспондирует с историческим исследованием М.Э. Саротте (Mary Elise Sarotte. «1989. The Struggle to Great Post-Cold War Europe»), в котором показывается роль институтов, в том числе совместных, в построении Европы после окончания холодной войны.

Следует подчеркнуть, что Т.В. Бордачев, отталкиваясь от исторического материала, успешно и обосновано переходит к теоретическим построениям, тем самым показывая, что диссертация выполнена именно по политологии. В результате он приходит к выводу, что «международные институты ограничивают и регулируют поведение

государств, но только в рамках того баланса сил, на котором они основаны» (с. 322).

Кроме постановки основного вопроса исследования автор диссертации последовательно ставит и решает целый ряд других: каковы были основные особенности либерального международного порядка после холодной войны? В чем заключались его ограничители в отношении политики ведущих государств? Как этот порядок может на теоретическом уровне соотноситься с такими категориями дискуссии о международных отношениях, как сила, мораль и справедливость? В чем были особенности реализации данного международного порядка в Европе и применительно к отношениям России и Европейского союза? и ряд других (с. 55). В диссертации автор дает ответы на эти вопросы, которые убедительны с теоретической и фактологической точек зрения.

В первой главе диссертации автор проводит анализ международного порядка как либерального проекта. Т.В. Бордачëв справедливо обращает внимание на то, что «важной проблемой ... после холодной войны стали... ожидания механистической инкорпорации новых участников в институты, которые сформировались в период холодной войны на Западе, вне зависимости от их силовых возможностей» (с.21). Вообще идея соотношения институтов и баланса сил является центральной в исследовании, которая последовательно обосновывается в диссертации.

Диссертант отмечает, особенности либерального порядка в Европе. В регионе силовая политика продолжала занимать центральное место, хотя из нее и был исключен военный фактор. Т.В. Бордачëв настаивает на том, что международные институты, особенно региональные, могут создавать справедливые условия в отношении интересов и ценностей, однако это касается только и исключительно стран, силовые возможности которых учитываются при формировании общих институтов.

Вторая глава посвящена развитию отношений в европейском регионе на начальном этапе окончания холодной войны. Автор показывает, что Европейский союз, основываясь на своём силовом превосходстве, поставил «перед собой задачу формирование нового регионального порядка на своих условиях и в рамках собственных институциональных решений» (с. 151). Поскольку Россия не участвовала в предшествующей европейской интеграции, согласно диссертанту, она не стала потенциальным участником таких основных институтов Запада на европейском континенте, как НАТО и ЕС. Соглашаясь с этим тезисом, следует отметить, что целый ряд стран Восточной Европы также не были вовлечены в процессы европейской интеграции, но вошли в НАТО и ЕС. Объяснение этому факту следует из логики Т.В. Бордачёва, а именно, эти страны не обладали существенным силовым потенциалом. Таким образом, на начальном этапе окончания холодной войны конфликтность между Россией и Европейским союзом была минимальной, поскольку Россия была достаточно слабой, чем воспользовался ЕС в своих интересах.

В центре третьей главы диссертации – европейское направление российской политики. Автор исходит из того, что на протяжении довольно большого отрезка времени Россия не определяла чётко для себя европейское направление политики. В начальный период это было во многом обусловлено проведением реформ внутри страны. В целом, как пишет Т.В. Бордачёв, «отношения России и Европейского союза имели двойственный характер. С одной стороны, Россия принимала правила игры и условия взаимодействия с ЕС с другой – Россия не могла проводить политику полного следования в русле ЕС, как это делали страны Восточной Европы» (с. 204). В то же время автор диссертации отмечает, что «включение России в целый ряд международных институтов теоретически могло снять остроту проблемы несоответствия статуса и возможностей» (с.212).

Наконец, в четвёртой главе рассматриваются вопросы, связанные с международными процессами XXI века, главным образом – последнего десятилетия. Автор останавливается на таких событиях этого периода, как вторжение США и союзников в Ирак в 2003 году, европейская интеграция в 2008 – 2011 гг. и 2014 – 2020 годах, а также на изменениях в российской внешней политике, связанных с усилением сотрудничества России и стран Азии, в первую очередь, Китая («поворот России на Восток»). В этой главе Т.В. Бордачёв приходит к выводам, что произошло разрушение мирового порядка, сформированного по итогам холодной войны вследствие «накопленных в нем системных проблем» (с. 320), к которым относятся «углубляющееся противоречие между динамично меняющимся балансом сил основных мировых держав, с одной стороны, и сохранением прежней системы международных институтов, норм и обычаев, с другой» (с. 320).

В Заключении автор суммирует основные тезисы своей диссертации и приходит к выводу, что на глобальном уровне международный порядок после окончания холодной войны был относительно стабилен, т.к. был включал в себя баланс силовых возможностей. Другим важным выводом диссертации стало то, что в отличие от глобального уровня, в Европе международный порядок формировался на основе институтов Европейского союза, в которые Россия не была включена. Отсюда кризис регионального европейского порядка наступил раньше, чем кризис глобального порядка. В то же время на глобальном уровне ряд ведущих государств не были удовлетворены существующим положением дел, что также привело к кризису. Интересный и важный в теоретическом плане вывод диссертации заключается и в том, что международные институты испытывают на себе влияние силового фактора.

Работа Т.В. Бордачёва хорошо фундирована. Она включает более 500 наименований, в том числе литературу, на иностранных языках. В целом

необходимо отметить, что Т.В. Бордачёв представил законченное и самостоятельное исследование.

В то же время, как и любая работа, диссертационное исследование Т.В. Бордачёва не лишено недостатков. Однако они носят в основном дискуссионный характер.

Первое замечание касается теоретических оснований диссертации. Автор строит исследование, исходя из принципов реализма и либерального институционализма (с. 12-24). Однако по ходу исследования Т.В. Бордачёв ориентируется в основном на работы реалистов первой половины XX века, хотя в диссертации есть ссылки на исследования неореалистов, а также Джон Миршаймера. Работы Д. Миршаймер, как представляется, в меньшей степени соответствуют проблематике диссертации. Проблема здесь заключается в том, что политическая организация мира за почти столетний период значительно изменилась. Соответственно, получили развития и различные теории международных отношений.

Пожалуй, наиболее адекватной теоретической основой проведенного диссертационного исследования был бы неореализм и неолиберальный институционализм. Диссертант отмечает, что «структурный реализм Уолтца стал, в определенном смысле, фундаментом и такого альтернативного направления, как либеральный институционализм» (с. 31). Интересно, что Р. Кохейн, который является одним из ведущих представителей неолиберального институционализма, в главе совместно с Л. Мартин также пишет, что неолиберальный институционализм - это фактически модифицированный неореализм. Они показывают, что из пяти основных положений неореализма практически полностью совпадают четыре. Отличие одного положения заключается в том, что для неореалистов государства не всегда обладают необходимой информацией, а для либеральных институционалистов за счет включения в институты, характер такой информации оказывается более доступный (Keohane R.O., L.L. Martin

// *Progress in International Relations Theory: Appraising the Field* / Eds. С. Elman, М. F. Elman. 2003. P. 71-108). Примечательно, что сама книга знакома диссертанту. Одна из её глав цитируется в библиографии. По всей видимости, следовало бы прописать, как и где проявляются положения, выдвигаемые представителями неореализма, а где и как – положения, сформулированные сторонниками либерального институционализма, подчеркнув при этом, что подобный эклектизм в прикладном исследовании допустим, сославшись на работу Р. Сил и П. Каценштайна (Sil R., Katzenstein P. *Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions / Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. No. 2. June 2010. P. 411-431). Представляется, что при таком подходе диссертация бы выиграла.

Второе замечание касается либерального порядка. В первом положении, выдвигаемом на защиту Т.В. Бордачёв пишет: «Завершение холодной войны...

привело к формированию уникального по своим системным характеристикам международного порядка. Эта уникальность определялась одновременным присутствием факторов, свойственных международному порядку, возникшему во второй половине 20 века в рамках сообщества стран Запада (свободное передвижение товаров и капиталов, отказ от применения или угрозы применения военной силы в отношениях между участниками данного сообщества и лидерство США в рамках коллективных институтов) и факторов, связанных с сохранением системы международной безопасности периода холодной войны, с опорой на ООН, особую роль Совета безопасности (СБ) ООН и исключительные права его постоянных стран-членов и главенство международного права. Этот международный порядок получил общепризнанное определение «Либеральный мировой порядок» (с. 24). Действительно, следует согласиться с автором, что мировой порядок, возникший после окончания холодной войны, оказался

противоречивым. И Т.В. Бордачёв чётко указал на эту противоречивость. Однако является ли такое понимание либерального порядка общепризнанным? По всей видимости, нет. Велись и продолжают вестись дискуссии относительно того, что собой представляет либеральный мировой порядок и насколько правомерно говорить о его конце (см., напр., Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019; Картунов А. 2016. Неизбежность странного мира. – Россия в глобальной политике. 16 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>; а также обсуждение мирового порядка в журнале «International Affairs», 2018, что упоминается в библиографии, но подробно не обсуждается в тексте). Наверное, следовало бы отразить эти дискуссии в диссертации. При этом, разумеется, не исключается ориентация на собственное понимание либерального порядка.

Третье. Диссертант видит ограничения силового фактора в области морали. В частности, он пишет «...сила в международной политике является наиболее универсальным регулятором и ограничителем действий государств. Однако в современных условиях она взаимодействует с моралью – способностью государств принимать интересы других во внимание, и продуктом этого взаимодействия становится относительная справедливость или несправедливость конкретного международного порядка» (с. 150). Представляется, что это весьма проблематичный тезис. Дело в том, что мораль непосредственным образом связана с ценностными системами, поэтому либо надо доказывать, что ценностные системы различных государств мира являются едиными (что сомнительно), либо оставаться в рамках рационализма, тем более, что обе теории, на которых выстраивает диссертационное исследование Т.В. Бордачёв, являются рационалистическими. Рационализм предполагает избегание ситуации с

отрицательной суммой, т.е. ситуаций, когда обе стороны конфликта оказываются в проигрыше.

Четвертое. Проблема баланса сил является центральной в исследовании. Возникает вопрос, что именно автор подразумевает под балансом сил? В начале диссертации Т.В. Бордачѐв отмечает, что «внутри европейской интеграции после Второй мировой войны ... сложные межгосударственные отношения всегда были основаны на балансе совокупных силовых потенциалов участников с преобладанием невоенных факторов силы. Но этот уникальный порядок, во-первых, мог действовать только внутри объединения, работающего на основе общей правовой нормы, и, во-вторых, все равно предоставлял более сильным государствам большие права и возможности, чем менее сильным ...» (с.8). Из данной цитаты следует, что баланс сил включает в себя невоенные составляющие. Однако в дальнейшем в тексте основной упор делается именно на военные компоненты, по крайней мере, они явно подразумеваются. Возможно, автор считает, что невоенные силовые факторы относятся только к самому ЕС. В любом случае остается вопрос, является ли, например, энергетика силовым фактором в отношениях Россия - ЕС? Согласно Дж. Наю, использования энергетика как средства оказания давления представляет собой «жѐсткую силу». Вопрос отношений России и ЕС в газовой сфере не рассматривается в работе, а вопрос о газе лишь упоминается несколько раз.

Наконец, пятое. Автор рассматривает лишь отношения России и ЕС на государственном уровне. А какова роль негосударственных и субнациональных акторов? Они не включены, по крайней мере, напрямую в европейские институты, но создают свои ассоциации и сетевые отношения. В результате так или иначе они влияют, если не на баланс сил, то на баланс интересов. В результате общая картина значительно усложняется. В настоящее время опубликовано множество работ по данной проблематике. Очевидно, что эти проблемы выходят за рамки диссертационного

исследования и скорее ориентированы на возможные дальнейшие пути изучения отношений России-ЕС. Тем не менее, стоило бы отметить это в работе.

Ещё раз необходимо подчеркнуть, что сделанные замечания ни в коей мере не влияют на обоснованность основных положений и выводов диссертации Т.В. Бордачева и носят исключительно дискуссионный характер.

В заключении отметим, что диссертация Бордачева Тимофея Вячеславовича на тему: «Отношения Россия – Европейский союз и происхождение кризиса европейского международного порядка» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Бордачев Тимофей Вячеславович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 5.5.4. Международные отношения. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

М.М. Лебедева
член диссертационного совета
д. полит. н. проф.,
зав. кафедрой мировых политических процессов
МГИМО МИД России